

ежие штрихи в романтических сюжетах

Кубатура. — 2003. — 29 мая — и июня. — С. 11

ды классического танца. Степаненко вела партию по нарастающей: от акварельных штрихов мечтательных вариаций первого акта к праздничному блеску праздника в замке и монументальному величию заключительного венгерского гран па. Балерину чутко поддержал Сергей Филин. Под руководством Николая Фадеечева он тоже пересмотрел многие детали трактовок роли Жана де Бриена, наполнив свои соло азартом боев и рыцарских турниров, а дуэты — интонациями восхищенного любования партнершей.

Ярослав СЕДОВ

Любовь без обмана

“Жизель” — балет совершенный и... удобный. Он позволяет исполнителям скрыться за штампами, наработанными поколениями предшественников. Легко принимает “поправки”, не изменяя своей внутренней сути. Может примерить французское благоухание от Живанши, может сделать “родным” привнесенное движение или деликатно не обратить внимания на появление нового па. “Жизель” все равно останется “Жизелью” — романтической историей, где героям начертана дорога от безоглядного счастья к беспросветному отчаянию. Но путь этот каждый исполнитель проходит особо.

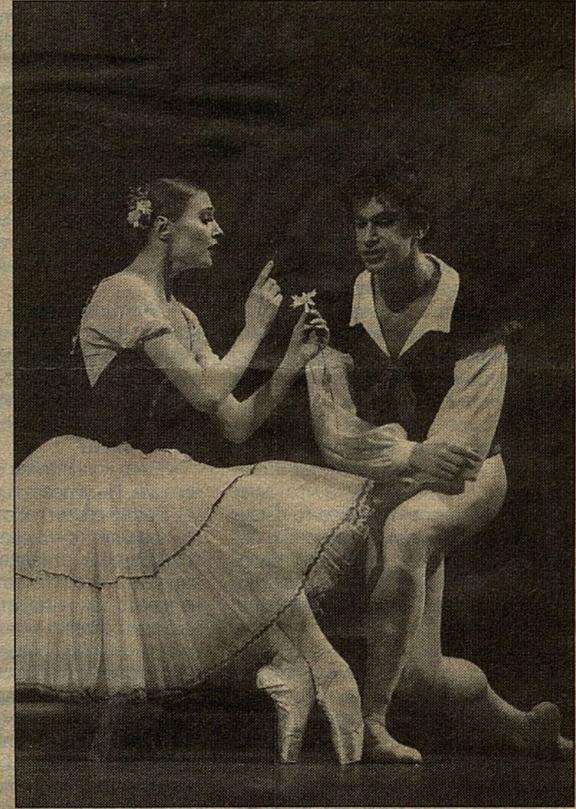
В последнем по времени спектакле Большого театра в качестве приглашенной звезды танцевала Светлана Захарова — прима Мариинского театра. Ее Жизель, безупречная и обворожительная, достойна встать в ряд лучших исполнительниц этой партии. Обескураживающая естественность Захаровой и утонченный артистизм столичного премьера Николая Цискаридзе позволили смыслу балета вырваться за пределы танца (который был безупречен) и преподать историю о судьбе обманутой крестьянки и графа, злоупотребив-

шего ее доверчивостью, как сюжет, словно увиденный впервые, — вымышленный и реальный одновременно.

Череда пленительных танцев, знакомых до мельчайших подробностей, разорвала канву романтического балета и оказалась как никогда близкой вечным сюжетам классики. Жизель Захаровой — резвое и нежное дитя природы — не может никого оставить равнодушным: ни в зрительном зале, ни на сцене. Она кокетничает, упивается молодостью, безудержно верит в будущее.

Удержат ли ее героиню от любви решительно никому не под силу. И может ли Альберт остаться равнодушным, впервые столкнувшись с простотой и непосредственностью? Едва ли герой Николая Цискаридзе отдает себе отчет в том, насколько серьезно его влечет к этому чуду. Люди влюбляются, сходятся, расходятся. Любовь долго не думает о том, что ждет ее впереди — клятва верности или разлука?

В истории, рассказанной этим спектаклем Большого, важную роль сыграл еще один герой — лесничий Илларион, которого по привычке театралы называют Гансом. Балетная судьба была сурова к этому персонажу. Его причисляли к банальным антигероям, из него делали ходульную фигуру. Илларион Руслана Пронина неоднозначен и живет своей правдой. Если бы речь не шла о таком эфемерном искусстве, как балет, правду эту можно было назвать мягкой, мужицкой. Лесничий Пронина не сводит счеты с графом за любовь к себе Жизели, отнюдь нет. В солистике с деловой крестьянской логикой он преследует того, кто разбивает устои прочного и по-своему закрытого мира, где граф — не свой, чужак, пришелец, несущий беду. Оттого с яростью ищет и находит улики, подтверждающие собственные догадки. Отчаянные танцы с крестья-

Слева: Г.Степаненко — Раймонда. Справа: С.Захарова — Жизель, Н.Цискаридзе — Альберт

нами, в которые пускается Илларион, у Пронина несут тревогу. В них — уверенность, что сердце Жизели будет принадлежать только ему, в них мужская готовность защитить то, на что посягает чужак, но в них же — и немая догадка: не принадлежит ли его, Иллариона, возлюбленная к совсем другому миру, к тому, откуда ее и пришли забрать?

Второй акт представляет иных героев: мечтательная девушка-полу-подросток превращается в странную

вылису с живыми чувствами; любовь Альберта оказывается безграничной, а горе — непомерным; изнемогающий Лесничий упадет на колени перед повелительницей умерших до свадьбы невест, чтобы просить о пощаде. Тема раскаяния неожиданным образом зазвучит именно в его предсмертном монологе, но не в дуэтах Жизели и Альберта, любовь которых закрывает собой все обстоятельства сюжета-истории про доверчивость и обман. В этой исполнитель-

ской версии любовь — без обмана.

Спектакль словно сбросил прах романтических галлюцинаций и вместе с тем невероятно укрупнил благодаря искусству Захаровой, Цискаридзе и Пронина собственный романтический сюжет до общечеловеческой темы, поднятой над конкретными сюжетными перипетиями.

Елена ФЕДОРЕНКО

Фото Игоря ЗАХАРКИНА
("Газета")

Захарова
Светлана
и 06.03.

не из спектакля

важен в пьесе рский элемент — сходя из коротко-ектакля: “Режис-искусством, если персонаже авто-но донести до чи-“господ актеров” ия драматурга в — главный герой, ет, он тщательно правильными ак-зовский стремится к Чехову, снять с овую вуаль непо-Чехову” — болез-овременного ре-ессивный, порой чаяния. Монолог ощего проложить у драматургу. И дорогой являют-э спектакли. Объ-их мастеров сце-ырисовывает объ-ного чеховского ый непременно я. К осуществле-тремится в своей ерской практике

Клара САЕВА